

HARLEQUIN®

114

София Джеймс

Счастливая звезда
графини Аньи

исторический роман

Исторический роман – Harlequin

София Джеймс

Счастливая звезда графини Анны

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Джеймс С.

Счастливая звезда графини Анны / С. Джеймс —
«Центрполиграф», 2019 — (Исторический роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-09237-3

Слава об умении Аннабель лечить людей распространилась за пределы Ист-Энда, и однажды в ее дом явился красавец граф Торnton с просьбой вылечить его сестру. Заглянув в прекрасные голубые глаза целительницы, граф, не отдавая себе в том отчета, влюбился в нее без памяти. Аннабель запрещала себе думать о Торнтоне, но ничего не могла с собой поделать, сердце против ее воли трепетало от любви к нему. Но он – граф, а она простая девушка, к тому же не знающая, кто она и откуда. Но Торnton не собирался отступаться, он решил, во что бы то ни стало, раскрыть тайну, окружающую его избранницу, и добиться ее руки и сердца...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-09237-3

© Джеймс С., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

София Джеймс

Счастливая звезда графини Анны

Sophia James
The Cinderella Countress

© 2019 by Sophia James
© «Центрполиграф», 2021
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2021
© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2021

Глава 1

Лондон, 1815 год

– Бель, пришел мужчина, не такой, как все.

– Он что, урод? – Аннабель Смит отвела взгляд от миски, в которой закипала настойка мяты и камфоры. – Или просто очень болен?

Розмари Грин рассмеялась:

– Вот его визитная карточка. На нем жилет из розового атласа, на каждом пальце дорогое кольцо. Волосы причудливо уложены – ничего подобного я в жизни не видела! А у наших дверей стоит сказочная карета.

Аннабель посмотрела на карточку. Литтон Стейнс, граф Торnton. Что может быть нужно от нее такому человеку и зачем он приехал в ее скромное жилище на окраине Уайтчепела?

– Роз, проводи его в гостиную и проследи, чтобы туда с ним не проник пес. Я сейчас приду.

Розмари замялась:

– Хочешь, я пойду туда с тобой?

– Зачем?

– Наш гость – молодой мужчина из общества, а ты – молодая женщина. Разве в таких обстоятельствах не требуется компаньонка?

При виде озабоченного лица подруги Бель только рассмеялась:

– Мы не в обществе, а он, скорее всего, приехал купить лекарства. Дай мне пять минут, я приготовлю настойку. А пока предложи ему чаю. Но не давай ему ничего крепче, даже если он попросит, потому что все спиртное, которое у нас осталось, нужно для больных.

Роз кивнула:

– Вид у него довольно надменный, по-моему, он настоящий богач. Может, попросить твою тетку посидеть с ним? Мне самой что-то не хочется.

Бель улыбнулась:

– Если нам повезет, возможно, графу Торntonу надоест ждать и он просто уедет.

Литтон Стейнс оглядел помещение, куда его провели. Это была маленькая, но очень опрятная комната. На полу лежал ковер, сшитый, судя по всему, из старых разноцветных ковриков. На одной из стен висели неумело нарисованные картины с изображением цветов.

Он приехал в Уайтчепел сам, хотя мог бы послать слугу, ему казалось, что личная встреча с целительницей очень важна. Он считал, что мисс Смит – его последняя надежда спасти горячо любимую сестру.

Женщина, которая проводила его в гостиную, скрылась, оставив его в обществе пожилой дамы и маленького кудлатого песика, который спрятался под столом и оскалился. Судя по виду, песик – метис терьера, характер имел довольно злобный. Граф попытался незаметно отпихнуть его сапогом, чтобы хозяйка не обиделась, однако у него ничего не получилось. Пес не уходил и сидел, не сводя с него взгляда.

Кто-то пел на другом конце узкого коридора. Литтону очень хотелось зажать уши руками, но он посчитал это невежливым.

Рядом на столе стояла чашка с чаем, которую некоторое время назад принесла служанка; от чашки поднимался ароматный пар. Граф невольно улыбнулся, представив, что сказали бы его друзья Шей, Орельян и Эдвард, увидев его в таком месте. Он впервые развеселился за много недель, но тут же снова помрачнел.

Смерть никому не к лицу, это уж точно, а болезнь и все сопровождающие ее неудобства – не то, с чем ему приходилось иметь дело прежде.

— Хвала небесам, — еле слышно пробормотал он и заметил, как пожилая дама подняла голову. Он кивнул ей, и она нахмурилась; очки съехали на самый кончик прямого носа, позволив ему разглядеть ее как следует.

Когда-то она, наверное, была красавицей, подумал он, но время не щадит никого. В свои тридцать пять лет он казался себе солидным, немолодым человеком, почти на пороге старости.

Чтобы хоть чем-то себя занять, он взял чашку и осторожно отпил глоток.

— Чай всегда был любимым напитком моей матушки, — неожиданно для себя произнес Литтон, узнавший вкус того самого черного чая, какой любила его мать.

Сидевшая в кресле пожилая дама перестала хмуриться.

Желая устроиться поудобнее, он пошевелился, и пес вдруг вскочил ему на колени. Он зарычал, и коричневая с белым шерсть встала дыбом. Сначала он выбил чашку у графа из рук, а потом вцепился зубами в его розовый жилет. Горячая жидкость обожгла графу ноги. Тонкая фарфоровая чашка разбилась вдребезги о деревянный пол.

Пес самозабвенно рвал зубами жилет незнакомца. Бель услышала треск рвущегося шелка и пришла в ужас. Странно, почему тетя Алисия не ругает своего любимца за такое безобразное поведение.

— Стэнли! Сейчас же прекрати! — Она вбежала в гостиную. — Ах, простите, сэр, он очень любит розовый цвет!

Она пыталась разжать собачьи челюсти, но добилась лишь обратного результата. Дорогой шелк снова затрещал, а она очутилась почти на коленях у графа Торнтона, упервшись ладонью в его залитые чаем бедра. Он отстранился.

— Прекратите! — властно крикнул он, и на миг Бель задумалась, к кому он обращается — к Стэнли или к ней.

Терьер тети Алисии наконец отцепился от него и потрусили за дверь, поджав хвост. Алисия последовала за ним.

Аннабель с трудом сохраняла равновесие; она упиралась руками в колени графа. Судя по виду, его жилет стоил больше всего дома, в котором она жила.

— Господи, как же он его изорвал! — ужаснулась она и, развернувшись к уходящей тетке, перешла на французский.

Она оборвала свою тираду, когда поняла ее совершенную неуместность, и с трудом выпрямилась. Затем подошла к шкафчику у окна и достала из бархатного кошелька фунтовую купюру.

— Разумеется, сэр, я заплачу вам за причиненный ущерб... Я-то надеялась, что Стэнли на улице, в саду, но, к сожалению, он незаметно проник сюда.

— Значит, его тянет к вещам розового цвета, потому что в щенячьем возрасте у него была такая игрушка? — осведомился гость.

— Вы говорите по-французски?

— Свободно. Насколько я понимаю, вы — мисс Аннабель Смит, знахарка и травница?

Она кивнула, и он продолжал:

— Я лорд Торнтон. Ваши услуги нужны моей сестре. Она страдает от непонятной изнурительной слабости; до последнего времени ни одному врачу в Англии не удалось ее исцелить.

— Почему же вы считаете, что я смогу это сделать?

— О вас отзываются с большим почтением.

— Кто отзываетесь? Ваши знакомые? — Она не сумела скрыть недоверия.

— Откровенно говоря, мой камердинер. Ваши усилия подарили его отцу несколько лет жизни.

— Гораздо чаще мне не удается вмешаться в Божий промысел.

— Судя по вашим словам, вы — женщина набожная?

— Скорее, практичная. Возможно, я разочарую вас; не стоит считать, что я — ответ на ваши... молитвы.

— Мисс Смит, я не очень-то верю в молитвы.

— Во что же вы верите, в таком случае?

На миг ей показалось, что он с трудом подавляет гнев.

— В бренди. В азартные игры. Лошадей. Женщин.

Его золотисто-карие глаза угрожающе сверкнули, и Бель невольно сделала шаг назад.

Мисс Аннабель Смит выглядела потрясенной. Литтон еще ни у кого не встречал таких изумительных голубых глаз, а когда она, пытаясь оторвать пса от его жилета, невольно коснулась ладонями его интимных мест, он тут же ощущил прилив желания.

Уж не подмешала ли она что-то в чай, какой-то травяной афродизиак, который затуманил ему мозги и усилил чувства? Ему даже захотелось, чтобы ее пальцы вернулись туда, где оказались случайно.

Он оттолкнул деньги, которые она ему протянула, и встал, вдавливая подошвой осколки чашки в ковер. Он не мог объяснить себе, что заставило его так грубо ответить на ее вопрос, во что он верит. Неожиданно он ощетинился, совсем как ее пес — кажется, она назвала его Стэнли? Его возмущала жестокость судьбы, которая подминает под себя его свободную волю.

Он попытался прикрыться своими пороками. Ему захотелось бежать отсюда. Внезапно даже потребность сестры в волшебных снадобьях Аннабель Смит отошла на второй план.

Но травница не собиралась так легко отпускать его; склонившись над ним, она попробовала высушить его брюки полотенцем.

Все ли у нее в порядке с головой?! Неужели она не понимает, насколько неприличны ее действия? Он пришел в ужас, снова заметив подъем определенной части тела. Она тоже увидала его реакцию и тут же смущенно отстранилась. На белом полотенце остались коричневые пятна от чая.

— Я подумала... — Она смущенно замолчала, и он впервые заметил ямочки у нее на щеках. — Простите! — Она решительно протянула ему полотенце, а сама отвернулась. — Конечно, лорд граф Торnton, мне следовало сразу понять, что вы вполне в состоянии сами о себе позаботиться.

Неправильное обращение не укрылось от его внимания. Целительница понятия не имеет, как обращаться к пэру Англии! Граф кое-как промокнул брюки, радуясь, что не получил ожог.

Он глубоко вздохнул. Ему не хватало воздуха. Она все не оборачивалась; он окинул взглядом ее пышные бедра, подчеркнутые тонким дневным платьем. На кармане он заметил заплаты; из кармана торчало какое-то клочковатое растение. От нее пахло лекарственными травами; ее словно окружало облако ароматов. Запах не внушал отвращения, но был в высшей степени необычным. От большинства его знакомых дам пахло фиалками, розами или лавандой.

— Мисс Смит, полотенце мне больше не нужно.

Его самого позабавило, насколько близко к нему она вдруг оказалась.

— Благодарю вас. — Она выхватила у него полотенце, и смущенная девица снова превратилась в прямую и решительную женщину без малейшего намека на смешливость. — Прежде чем я назначу лечение вашей сестре, мне нужно будет ее осмотреть. Медицина не имеет дела с догадками, а изнурительная слабость служит признаком целого ряда заболеваний, многие из которых отличаются друг от друга как день и ночь.

— Что ж, хорошо. Сестра всю неделю будет в Лондоне, ее осматривают разные специалисты. Так что если у вас найдется время...

— Заезжайте за мной сюда завтра в девять утра. Мне нужно приготовить кое-какие лекарства, но... — Помолчав, она продолжала: — Мои услуги стоят недешево, милорд. Каждая консультация обойдется вам примерно в три фунта.

Литтону показалось, что последние слова она произнесла как-то неуверенно и даже испуганно. Впрочем, он мог и ошибаться.

– Договорились. Я заеду за вами завтра в девять.

– В таком случае желаю вам хорошего дня.

Она протянула ему руку. Пожимая ее крепкие сухие пальцы, он невольно задумался. Перед ним явно не неженка. У нее не мягкие, податливые руки леди. Но и не крепкая хватка. Он заметил у нее на пальце маленькое золотое кольцо – всего одно. С растущим раздражением покосился на свои многочисленные кольца и перстни.

Вскоре он уже сидел в своей роскошной карете, опираясь на мягкие кожаные подушки, и думал о том, что ему нужно выпить, причем срочно.

– В «Уайтс», – приказал он лакею, который находился ближе.

Он обрадовался, когда экипаж тронулся с места и повез его прочь от тесноты и бедности Уайтчепела и от своевольной, решительной и в высшей степени необычной мисс Аннабель Смит с волшебными голубыми глазами.

Главный зал клуба показался ему переполненным. Он сразу направился к друзьям,увидев, что Орельян де ла Томбер беседует с Эдвардом Талли.

– Льян, я думал, ты еще в Суссексе со своей красавицей женой!

– Приехал сегодня утром. Пробуду здесь всего день, а завтра с утра вернусь.

– Значит, семейная жизнь пришла тебе по душе? Раньше тебя можно было назвать настоящим кочевником.

– Мне понравилась формула «одна женщина и один дом».

– В таком случае ты счастливец!

Литтон заметил, что Эдвард как-то странно смотрит на него, и понадеялся, что говорит не слишком язвительно. Сохранять спокойствие все труднее и труднее, подумал он, беря с подноса проходящего лакея бокал с бренди. Выпив залпом, он приказал принести еще.

Ему было очень не по себе. Его расстроила поездка в Ист-Энд.

– Я только что познакомился с женщиной, которая собирает травы и изготавливает лекарства в духоте и тесноте Уайтчепела. Кстати, необходимо срочно принять меры в связи с тамошними условиями. Вонь в тех кварталах стала просто невыносимой.

– Ты считаешь, что травница подберет нужное лекарство для твоей сестры? – спросил Эдвард, глядя на него в упор.

– Да, – признался Литтон.

Иной исход представлялся ему немыслимым, а надежда, как известно, умирает последней.

– Кто она? – осведомился Орельян.

– Некая мисс Аннабель Смит. Ее порекомендовал мне мой камердинер.

– Она его лечила? От чего?

– Нет, она продлила жизнь его отцу, и с тех пор вся его семья испытывает к ней благодарность. Правда, не представляю, как он оплачивал ее услуги.

– Сколько стоят ее визиты?

– Три фунта. По-моему, это довольно высокая плата.

– Ты дал ей свою визитную карточку, прежде чем она назвала цену?

Литтон кивнул:

– Я готов был заплатить и больше, если бы она попросила.

– Ну конечно... Спрос определяет предложение... Сколько ей лет?

– Она немолода и говорит по-французски, что меня удивило.

Его ответ заинтересовал Орельяна.

– Смит – не французская фамилия...

– Как и имя Аннабель. С ней живет некая пожилая дама; вот она, похоже, француженка. Кажется, травница назвала ее тетей... Я подвергся там нападению собаки. – Он расстегнул сюртук и показал друзьям свой растерзанный жилет.

– Собака права! Жилет такого цвета нужно срывать. – В голосе Эдварда звучали веселые нотки, но Орельян заговорил гораздо серьезнее:

– Я никогда не слышал ни об этой травнице, ни о ее тетке-француженке. Может быть, стоит навести о них справки?

– Нет, – резко ответил Литтон, и друзья молча посмотрели на него. – Никаких справок. Завтра она осмотрит Люси.

Эдвард изо всех сил старался казаться безучастным, но Литтон сразу понял: друга разбирает любопытство.

– Какая она?

– Сильная. Решительная. Прямая. Совсем не похожа на даму из светского общества. Ее платье вышло из моды лет десять назад, а волосы она подвязывает платком. Они у нее темные, кудрявые и доходят ей до талии, если не ниже. Она показалась мне... необычной.

– Торн, судя по всему, травница из Уайтчепела произвела на тебя неизгладимое впечатление! Кстати, несколько часов назад я видел Сьюзен Каслтон; она говорит, что вы с ней сегодня встречаетесь...

– Да. Мы идем на балет.

Последние четыре месяца Сьюзен была его любовницей, хотя Литтона все больше утомляли ее претензии. Сьюзен хотела гораздо большего, чем он мог ей дать, и, несмотря на ее бесспорную красоту, ему надоели ее безыскусность и отсутствие изобретательности в постели. Осознав это, он вдруг выпрямился. Наверное, все дело в Люси и в том, что он ни на миг не забывает о ее таинственной болезни.

Хотелось бы, чтобы его жизнь снова стала такой же легкой и простой, как прежде, чтобы ничто не стояло у него на пути и у него было все, ради чего можно жить. Он рассеянно провел пальцем по дыре в жилете и неожиданно удивился самому себе. С чего вдруг он приобрел столь экстравагантный предмет одежды?

Он не помнил, почему купил этот розовый жилет. Скорее всего, на этом настояла Сьюзен – она требовала, чтобы он одевался по последней моде. Чтобы не спорить с ней, он предпочел уступить. Литтон сам не понимал, почему он не настоял на своем, и нахмурился. Надо будет поскорее отказаться и от многочисленных колец и перстней и от кричащих жилетов.

Мисс Аннабель Смит упрямая, необычна... и разительно отличается от всех его знакомых! Трудно представить, чтобы такая женщина позволила кому бы то ни было диктовать ей, что надеть или как себя вести. Несмотря на бедность, она, судя по всему, нашла свое призвание и радовалась избранному пути.

Бель проснулась среди ночи. Она задыхалась и вся покрылась испариной. Ей снова приснился странный сон... Она отогнала страх и села, зажгла свечу на прикроватном столике, дожидаясь, пока язычок пламени проглотит тени.

Она снова слышала крики людей, испытывала прежний страх и не могла пошевелиться... Во сне она находилась в незнакомом доме. Люди, которые кричали, вызывали в ней ненависть, хотя она понимала, что не должна их ненавидеть... Ей хотелось бежать от них со всех ног. Она не видела лиц, но точно знала, что те люди похожи на нее. Аннабель понятия не имела, откуда такая уверенность, но точно знала это с ранней юности – с тех пор, когда ей начали сниться страшные сны. Иногда во сне ее даже называли по имени...

Она постепенно успокаивалась, слушая привычныеочные звуки с улицы и теткин храп в соседней комнате. В такие минуты она радовалась тому, что стены в их домишке такие тонкие. Благодаря этому она не чувствовала себя такой одинокой...

Девушка вспомнила тяжесть тугой мужской плоти под тонкой бежевой тканью, когда нечаянно дотронулась до него, и густо покраснела. Еще никогда в жизни она не оказывалась в такой близости к мужчине и в таком компрометирующем положении! Конечно, граф заметил ее смущение.

Инцидент с пролитым чаем все больше волновал и возбуждал ее. Она будет вспоминать о своей оплошности при каждой новой встрече с ним! Кстати, они увидятся уже совсем скоро, ведь в девять утра он за ней заедет. Нужно еще поспать.

Ей нужно как следует отдохнуть перед встречей с лордом Торнтоном, иначе рядом с ним ей будет неловко.

Во-первых, он очень красив, кроме того, он воспринимает свой титул и свое высокое положение как должное... Кроме того, он наблюдателен. От Аннабель не укрылось, как он внимательно оглядывался в ее доме. Наверняка сразу понял, что они бедны как церковные крысы...

Интересно, понравились ли ему ее картины, цветы, которые она рисовала с такой любовью. Они украшали почти все стены их домика. Рисование стало для нее способом расслабиться, и ей нравился сам процесс создания картины. В двадцать с небольшим она иногда рисовала и портреты, незнакомые лица... Правда, те картины она давно выбросила. Теперь она рисовала растения смелыми, решительными мазками. Воспоминания о первых картинах проникали в ее сны; она тряхнула головой. На следующей неделе ей исполнится тридцать два года. Ее небольшая лечебница и аптека в Уайтчепеле не знают отбоя от посетителей – в основном бедняков. Аннабель невольно поморщилась, вспомнив, какую плату за визит заломила с графа. Что ж, несколько консультаций у богачей, которые могут себе позволить платить ей заоблачный гонорар, позволят другим получить ее услуги бесплатно. Многие ее пациенты не в состоянии заплатить ей ни гроша.

Граф показался ей богатым до абсурда. Интересно, в каком районе Лондона он живет. Наверное, его особняк стоит на какой-нибудь красивой площади в центре Мейфэра. В таких местах она бывала редко. Скорее всего, у него не один дом в Лондоне и не одно загородное имение... Увидит ли она его родственников? По словам Алисии, граф упоминал свою матушку, которая любит чай.

Она обратилась к нему неправильно. Вскоре после его ухода она спросила кухарку Милли, как положено обращаться к графу. Несколько лет назад Милли служила в доме какого-то высокородного лорда. Разумеется, не следовало называть его «милорд граф»! По словам Милли, к нему нужно обращаться «милорд», «ваша светлость» или «lord Торnton». Аннабель решила, что в следующий раз, когда они увидятся, она обратится к нему «ваша светлость».

Хорошо, что удалось выяснить хотя бы такую подробность. Наконец ей захотелось спать. Она заранее подготовила все настойки, лекарства и мази, которые собирались взять с собой к сестре лорда Торнтона. Так что утром ей нужно будет только одеться и умыться.

Вопрос, что надеть, одновременно злил и тревожил ее. Не следует волноваться из-за таких мелочей, а она волнуется. Ей вдруг захотелось хорошо выглядеть и понравиться его матери, которая любит чай. От этой мысли она улыбнулась и опустила голову на подушку, наблюдая за луной сквозь неплотно задернутые шторы.

Вчера шел дождь, но ночь была ясной.

Аннабель закрыла глаза. Последнее, что она увидела, прежде чем провалилась в сон, было лицо лорда Торнтона, который смотрел на нее с сердитым изумлением, когда она попыталась удалить следы чая с его узких брюк.

Глава 2

Ровно в девять, когда его карета остановилась на углу, мисс Смит уже ждала его на крыльце своего дома. Перед ней стояла большая плетеная корзина, затянутая сверху куском синей материи.

Странное зрелище – женщина сидит на крыльце одна и ждет его появления в точно указанное время! Из-за этого Литтон отказался от помощи лакея, спрыгивая на землю.

Ему показалось, что мисс Аннабель Смит обрадовалась ему; она встала, приложив руку козырьком ко лбу. Тень от шляпки закрывала почти все ее лицо.

– А я уж решила, что вы не приедете, – сказала она, придерживая пальцами край материи, закрывающей корзину.

Литтон снова остро почувствовал ее близость и поспешил прогнать неуместные эмоции. Для него она не женщина, а знахарка!

– Моя компаньонка сейчас придет; тетя Алисия не желала успокаиваться, пока я не согласилась взять с собой спутницу. Надеюсь, ваша светлость, вы не возражаете?

Значит, она узнала, как к нему обращаться. Неожиданно для себя он понял: ему понравилось, когда она вчера называла его «милорд граф».

– Нисколько, – произнес он чуть более отчужденно, чем рассчитывал.

Она выглядела усталой; под глазами залегли темные круги, на большом пальце он заметил порез. Он надеялся, что она поранилась не тогда, когда готовила снадобья для его сестры.

Достав из кармана заготовленные три фунта, он протянул ей деньги.

– Понимаю, сумма слишком большая, – сказала она, но он покачал головой:

– Мисс Смит, такая плата мне по карману, и я благодарен вам за то, что вы сразу согласились посетить мою сестру.

Достав бархатный кошелек, тот же, что и вчера, она осторожно убрала туда купюры.

– Они пригодятся, чтобы купить ингредиенты для снадобий. Видите ли, многие мои пациенты совсем не в состоянии платить. Здесь таких много.

– Давно ли вы живете в этом доме?

– Довольно давно, ваша светлость. Мы его снимаем, и все же это крыша над головой.

– Однако в вашей речи нет акцента, свойственного жителям Ист-Энда…

Она отвернулась, отвлекшись: к ним вышла вчерашняя женщина, на ходу завязывая ленты шляпки.

– Это моя подруга, миссис Розмари Грин.

– Вчера мы виделись, мэм.

Он коснулся пальцами шляпы, и женщина густо покраснела, но от ответа ее спасла Аннабель Смит, которая взяла ее под руку и повела к экипажу. Когда лакей помог им сесть, мисс Смит глубоко вздохнула; у Литтона сложилось впечатление, что ей не очень хочется ехать в карете.

Сам он сел на сиденье напротив. Дверца захлопнулась; карета тронулась с места.

– Ваша светлость, приходилось ли вам читать сказку «Золушка» Шарля Перро? – Она снова продемонстрировала ямочки, которые стали видны при свете солнца.

– Да, мисс Смит.

– Ваша карета напомнила мне эту сказку. Карета красивая и чрезвычайно удобная.

– Вы читали сказку по-французски?

– В детстве я какое-то время жила во Франции у тетушки.

В это время на улицах было оживленно, как будто на дорогу высыпал весь Лондон. Они ехали медленно.

Молчание затянулось; хотя ему о многом хотелось ее расспросить. Мисс Смит не производила впечатления человека, родившегося за границей: ее правильная речь наводила на мысли о хорошем происхождении и воспитании... Возможно ли такое?

Литтон очень надеялся, что сегодня в его городской особняк не наведается никто из многочисленной родни; ему хотелось, чтобы мисс Смит какое-то время пообщалась с его сестрой без посторонних. Конечно, при осмотре будет присутствовать его мать, но она последнее время погружена в свои заботы и выглядит рассеянной. Сегодня такое ее состояние ему только на руку.

Болезнь Люси надломила Торнтонов; из их жизни исчезла всякая радость. Неожиданно Литтон подумал: не потому ли он увлекся Сьюзен Каслтон? Ее легкомыслие и беззаботность показались ему именно такими качествами, которые способны развеять его тоску...

Мисс Смит с интересом разглядывала улицы, по которым они ехали; она сидела, плотно сцепив пальцы на коленях. Правда, когда карета круто повернула за угол, он заметил, как крепко она схватилась за край сиденья – у нее даже побелели костяшки пальцев.

– Здесь совершенно безопасно. У меня один из самых искусственных кучеров в Лондоне.

Она посмотрела на него, а потом снова обратила взгляд в окно.

– Обычно пациенты сами приходят ко мне, милорд.

– Значит, вы не пользуетесь наемными экипажами?

– Никогда.

Последнее слово она произнесла решительно, словно отметая саму возможность расспросов. Увидев, что он нахмурился, миссис Грин тяжело вздохнула. Ее лицо, как ни странно, было озабоченным.

Впереди показалась площадь Портмен-сквер; фасадом его дом выходил на нее. Он надеялся, что Аннабель Смит не слишком разволнуется. Неожиданно его богатство показалось ему нелепым по сравнению с ее бедным жилищем в Уайтчепеле.

Когда они остановились, на ее лице появилось совершенно необычное выражение – ничего подобного он раньше не видел. Он увидел потрясение и беспримесный ужас. Она смертельно побледнела. Он заметил, как бьется жилка на шее. Ему захотелось положить руку ей на плечо; казалось, она вот-вот упадет в обморок.

– Что с вами, мисс Смит?

Сообразив, что он на нее смотрит, она расправила плечи, но не отстранилась; пальцы ухватились за его сюртук.

Потом дверца распахнулась, и перед ними возникла его мать с выражением холодной ярости на лице.

– Торnton, не смей водить в дом своих девок! Я этого не допущу! Твой камердинер сказал, что вчера ты побывал у одной из твоих любовниц, мисс Каслтон. А теперь ты притащил сюда этих... Твой отец, упокой Господи его душу, в гробу перевернется, а твоя сестра...

Она замолчала и, сжав в руке большой платок, принялась вытираять нос. Затем она ушла, приведя остальных в замешательство.

– Простите. Моя мать... не в себе.

Он не мог придумать ничего лучше, но ярость в его душе утихла. Ему нужно, чтобы Аннабель Смит осмотрела сестру – вот что самое главное, а с неожиданными обвинениями матери он разберется потом.

Граф Торnton содержал любовниц; его мать приняла их с Розмари за падших женщин? Дымка, овеянная особняк Торнтона, рассеялась после таких нелепых нападок, и, не жди ее в доме пациентки, Аннабель тут же потребовала бы, чтобы ее отвезли домой.

Подобное поведение настолько обычно для богачей! Полное и крайнее неуважение к другим... И если граф почему-то прельстил ее и внушил другие мысли, что ж, тем хуже для нее.

Вот почему Аннабель предпочитала не иметь дел с аристократией. Несколько прежних попыток вылечить богачей окончились катастрофой. Аристократы либо не платили, либо относились к ней с презрением. Однако раньше никто еще не смотрел на нее с такой ненавистью, как мать графа.

Что ж, здесь ей хотя бы заплатили; три фунта надежно покоились в сумочке.

Судя по всему, слова матери привели графа в ярость; он стиснул челюсти. После того как они вошли в дом, он попросил их немного подождать.

– Да, конечно, ваша светлость. – Розмари и Аннабель устроились в мягких удобных креслах у стола, на котором стояла ваза с бледно-розовыми искусственными цветами из крашеного шелка.

Аннабель сидела как в тумане, вдыхая запах лака и средства для чистки серебра. Обстановка дома казалась ей странно знакомой, чего она совсем не понимала. Такой же дом она часто видела в одном из своих повторяющихся снов: винтовая лестница, белые и черные кафельные плитки, многочисленные двери, которые вели из холла в роскошно обставленные салоны... и портреты предков, которые торжественно взирали на них со стен вдоль лестницы.

– Бель, что с тобой? Ты как будто привидение увидела.

– Очень похоже на то...

– Неужели мать графа приняла нас за уличных женщин? – Роз с ошеломленным видом поправляла красно-зеленый платок на шее.

– Скорее всего, раньше она ни разу не встречала таких женщин... ну, а мы одеты совсем не так, как обитательницы таких богатых домов. – Аннабель надеялась, что графиня не вернется и не застанет их здесь; иначе придется надеть пальто и шляпку и уйти.

Ей хорошо заплатили за консультацию; кроме того, карета, в которой их сюда привезли, с грохотом уехала. Единственный, кто может выпустить их отсюда, – сам граф. Неожиданно он вышел из коридора сбоку; его сопровождал другой лакей.

– Пойдемте. Там покой моей сестры. Перед спальней имеется гостиная; в ней миссис Грин может подождать.

Роз кивнула, и Аннабель тоже. Визит становился все более и более тягостным. Ей все меньше хотелось утешать молодую больную аристократку, но она понимала, что не сможет рассказать о своих чувствах графу Торнтону. Он сочтет ее нелепой сумасбродкой... Конечно, если его мать вновь начнет осыпать их оскорблениями, она развернется и уйдет.

Они стали подниматься по лестнице. Из корзины запахло камфорой; Аннабель решила, что флакон с камфорой перевернулся. Приподняв материю, она поправила флакон и поставила его вертикально, подперев бинтами.

Свет наверху был приглушенным; сюда почти не проникали звуки с улицы и из других частей дома. Здесь пахло болезнью; ноздри целительницы уловили этот запах, и она старалась угадать его оттенки. Как ни странно, она не сумела сразу определить, что за недуг мучает сестру графа, и поэтому нахмурилась.

– Буду очень вам признателен, миссис Грин, если вы немного подождете здесь. Сестра, в ее теперешнем состоянии, не переносит вида незнакомых людей; одно новое лицо для нее пока будет достаточным.

Дождавшись, пока Роз усядется, Аннабель следом за графом прошла в маленький коридорчик, который вел в просторную, красивую спальню, полную признаков незддоровья. В спальне царил полумрак. На длинном столе стояли флаконы с лекарствами и многочисленные миски с полотенцами. Все горизонтальные поверхности были уставлены вазами с цветами.

У кровати сидела горничная; как только они вошли, она сразу же встала и вышла из комнаты, хотя граф ни словом, ни жестом не попросил ее удалиться.

– Люси! – Голос графа стал мягче; Аннабель уловила в нем даже нежность и удивилась. – К тебе пришла мисс Смит, травница, о которой я тебе рассказывал.

— Торн, хватит с меня медиков! Я уже сказала, что хочу только одного: чтобы меня оставили в покое!

Голос у больной оказался довольно звучным. Еще одна странность. Если леди Люси столько недель пролежала в постели и смертельно больна, она должна была говорить тише и глуше.

Больная лежала, закутавшись в одеяла; виднелась лишь золотистая макушка и руки. Бель заметила, что ногти изгрызены до мяса, однако ногтевые пластины не утратили цвета.

— О мисс Смит очень хорошо отзываются в ее приходе в Уайтчепеле. Нам очень повезло, что она согласилась приехать: она редко выбирается за пределы своего квартала.

— Где мама?

— Я попросил ее побывать в своей комнате.

— Сегодня она просто невыносима. Жаль, что она не может вернуться в Балмэн, а меня оставить с тобой. Сколько лет мисс Смит?

— Смотри сама. Она уже здесь.

Одеяло пошевелилось; из-под него высунулось лицо. Очевидно, леди Люси когда-то была очень хорошенькой, но сейчас побледнела и осунулась. Волосы свалились и висели космами.

Аннабель надеялась, что не выказала удивления. Самыми важными она считала первые минуты встречи пациента и целителя.

— Вы не такая уж... старая, — заметила Люси.

— Через неделю мне исполнится тридцать два года. Мне кажется, это ужасно много. Но какой у меня еще выход?

— Вот какой! — неожиданно пациентка улыбнулась.

— Может быть, — тихо заметила Аннабель. — Когда вы в последний раз ели?

— Мне совсем не хочется есть. Иногда я пью бульон.

— Можно пощупать ваш пульс?

— Нет. Я не разрешаю прикасаться ко мне.

— Никогда? — Аннабель не скрывала удивления. — Как же вас осматривали?

— Никак. Я никому не разрешаю до меня дотрагиваться. Даже издали видно, что болезнь крадет у меня жизнь. На мне испробовали всевозможные лекарства, и все напрасно. Один доктор, правда, дотронулся до меня против моей воли; он два раза пускал мне кровь. Но теперь я хочу одного — умереть. Так будет лучше для всех.

Аннабель услышала, как граф судорожно вздохнул, и ей стало его очень жаль.

— Мисс Стейнс, могу ли я поговорить с вами наедине?

— То есть без моего брата? Чтобы здесь никого больше не было? Не знаю, можно ли...

Но граф уже ушел; он побрел к двери неслышно, как призрак.

Аннабель выждала какое-то время и закрыла глаза. В тишине можно многое выяснить. Дыхание девушки было частым и неглубоким, но в ее дыхательных путях не было застоя. Она часто шевелила ступнями, что указывало на нервозность. Бель слышала шорох простыней; леди Люси дважды шмыгнула носом. Возможно, она слегла с простудой, хотя выглядит довольно крепкой.

Открыв глаза, Аннабель посмотрела на пациентку в упор; золотисто-карие, как у графа, глаза, только более темного оттенка.

— Почему вы лжете, мисс Стейнс?

— Что, простите? — ахнула Люси.

— В вашем организме нет болезни. Зато я знаю другое: вам нужно о чем-то поговорить.

— Ничего вы не знаете! — негромко и резко возразила леди Люси.

— Сегодня я сделаю вам камфорные припарки на грудь и мятные — на подошвы. Но на вашем месте я бы постепенно начала проявлять интерес к жизни. Завтра я вернусь и принесу

другие лекарства. Недели будет достаточно для того, чтобы вы снова начали вставать, а затем мы справимся и с истинной причиной того, почему вы решили не вставать с постели.

– С истинной причиной?

– Подумайте сами. Ваши близкие очень страдают из-за того, что вы устроили представление. И если многочисленные врачи, которых они приводили, чтобы вас осмотреть, не догадались о том, что с вами, то лишь в силу недостатка опыта. Настоятельно советую подумать о том, что с вами случилось, и снова начать жить... по мере возможности.

– Уходите!

Аннабель встала; ее сердце билось быстро и часто.

– Простите, но я не уйду. Только разум позволит вам обдумать последствия... хотите верьте, хотите нет, но такова жизнь. Вы немного отступите, но затем одержите победу... и ваша победа будет сокрушительной.

– Мисс Смит, вы что, ведьма? Оккультистка?

– Может быть, – пылко ответила целительница. Девушка должна поверить ей, иначе она пропала. – Магия – именно то, что вам требуется сейчас. Поэтому расстегните, пожалуйста, сорочку, а я приготовлю камфару.

* * *

Через десять минут она спустилась вниз. Граф Торнтон приказал закладывать карету.

– Простите, мисс Смит, я не смогу проводить вас обратно в Уайтчепел. У меня есть другие дела в городе. Вы сказали моей сестре, что вернетесь завтра; я пришлю за вами экипаж в девять утра.

– Не нужно. Завтра мы доберемся сами. Попросите горничную подать вашей сестре тарелку куриного бульона с маленьkim кусочком хлеба. Передайте, что такое питание пойдет ей на пользу, а завтра я спрошу, как она поела.

– Очень хорошо. Благодарю вас.

Граф явно не верил, что его сестра хоть что-нибудь съест. Аннабель сразу поняла: его разочаровала и краткость ее визита. Лишь запах камфары и мяты свидетельствовал о лечебных процедурах. Скорее всего, он считает ее шарлатанкой, к тому же дорогостоящей... А если его сестра не прислушается к ее советам, граф и дальше будет считать ее шарлатанкой.

Склонив голову, она вышла на крыльцо. Она не удивилась, когда у них за спиной закрылась дверь.

Вернувшись домой, она сразу пошла к тетке. Та сидела в маленькой нише рядом с кухней.

– Тетя Алисия, я узнала дом графа Торнтона. Кажется, когда-то я жила в похожем доме!

Тетка подняла голову и посмотрела на нее, но ничего не ответила.

– Он похож на дом из моих снов. Тот, о котором я вам рассказывала...

– Аннабель, я всегда говорила, что ты странная – странница, которая уже побывала здесь в другой жизни.

– Кто они, тетя Алисия? Я помню людей, которые одевались так же, как обитатели дома Торнтона.

– Сколько раз можно повторять: никакие привидения тебя не преследуют, но людей, которых ты видишь во сне, я не знаю.

– В таком случае кто были мои родители?

– Я их никогда не видела. Я взяла тебя к себе, потому что меня попросила об этом монахиня из монастыря рядом с деревней. Слуга привез заболевшую девочку из Англии в храм Рождества Пресвятой Богородицы; ее передали в руки Господа. Монахиня по имени Мария была англичанкой; несколько лет она каждый день беседовала с тобой. Потом ты бегло загово-

рила по-французски... Больше я ничего не знаю. Вначале мне дали понять, что ты пробудешь у меня лишь несколько недель, но за тобой так никто и не приехал... – Тетка замолчала, стараясь успокоиться. – Со временем я стала считать тебя своим ребенком, которого у меня никогда не было. Каждый день я молилась, чтобы так продолжалось и дальше, чтобы мне не пришлось отдавать тебя, потому что разлука с тобой разбила бы мне сердце.

Они не в первый раз говорили о прошлом. Слова тетки казались вполне разумными. И все же, все же...

Леди Люси сегодня показалась ей вполне разумной молодой особой. Она пряталась в постели в затемненной комнате и запрещала кому бы то ни было дотрагиваться до себя. Она перестала есть. Она расхотела жить. Внезапно в Аннабель вскипел гнев, который она больше не могла скрывать.

Все лгут!

Ее тетка.

Леди Люси.

Даже красивый граф Торnton со своими многочисленными любовницами и своей ожесточенной матерью.

Уйдя от тетки к себе в комнату, Бель взяла лист бумаги, окунула кисть в масло, а затем в красный порошок.

Нет ничего подлинного. Все ложь и обман! Она с удовольствием наносила на лист красные мазки, которые словно перечеркивали правду, замазывали ее. Жизнь, построенная на лжи. Картины, написанные в гневе...

Леди Люси молода и получила хорошее воспитание... Бель хотелось убить мужчину, который довел ее до такого состояния, превратив в настоящую калеку. Но нужно двигаться очень медленно и осторожно, чтобы исцелить ее.

Вторую половину дня Литтон провел в объятиях красивой вдовы миссис Сьюзен Каслтон. Они нежились в меблированных комнатах в Кенсингтоне, которые он снял специально для нее.

Надо отдать ей должное, вкус у нее был безупречным, но то, что еще неделю назад казалось ему замечательным, теперь перестало быть таким.

Слова матери больно ранили его. Он никак не мог забыть выражения лица мисс Аннабель Смит.

Что за странная целительница! После ее ухода сестра выпила бульон, съела хлеб и попросила чашку чаю. Она уже много недель почти ничего не ела, а теперь, после десятиминутного визита необычной мисс Смит, ей сразу полегчало! Люси решила, что мисс Смит ведьма, и так ей и сказала. Она считает, что целительница исполнена зла и неизъяснимой силы. Люси не хочет, чтобы мисс Смит приходила снова.

Что ж, пусть будет ведьмой, пусть будет кем угодно, лишь бы ей удалось вернуть сестру к жизни! После многочисленных попыток ученых мужей вылечить сестру он рад любой алхимии... Он решил, что непременно попросит мисс Смит вернуться.

– Торnton, ты так хорошо сложен.

Шепот заставил его обернуться. Каштановые кудри Сьюзен разметались по его груди; прильнув к нему, она щекотала его, приглашая к дальнейшим действиям. Как же она ненасытна! Когда они только познакомились, он не верил своему счастью, но теперь... теперь ему вдруг показалось, что вдовушка выжмет его как лимон и бросит, а он останется таким же калекой, как сестра.

– Я хочу тебя съесть. Целиком!

Ее слова настолько соответствовали его мыслям, что он невольно оттолкнул ее и сел.

Интрижка с этой распутной вдовушкой вдруг показалась ему отвратительной, неправильной. Еще несколько недель назад он бы охотно откликнулся на зов ее плоти. Сейчас же ему хотелось одного – бежать.

– Сьюзен, мне надо идти. Не знаю, вернусь ли.

Жаль, если его слова покажутся ей слишком жестокими, но он терпеть не мог лгать. Никому.

– Торnton, ты, конечно, шутишь? Мы сегодня целый день наслаждаемся друг другом и не можем насытиться!

Очередное сравнение их связи с едой вызвало у него отвращение. Он встал и начал одеваться. С трудом стащил с пальца один из многочисленных перстней.

– Вот, этого хватит, чтобы платить за квартиру по меньшей мере год. Благодарю тебя за то, что так долго выносила меня, но между нами все кончено. Я больше не могу.

По лицу женщины потекли слезы.

– Торnton, не может быть, чтобы ты говорил серьезно! Я люблю тебя. Я люблю тебя всем сердцем, и…

Он заставил ее замолчать, приложив палец к ее пухлым алым губам.

– Год назад ты любила Дервента, а до того ты любила Маркуса Мерриуэзера. После меня будут и другие.

Подобрав с пола одежду, он направился к двери. Сьюзен схватила вазу и со всей силы швырнула в него. Ваза разбилась; осколок поранил ему висок.

– Клянусь, ты еще об этом пожалеешь! Никто не будет любить тебя так, как я, особенно та, которую ты захочешь взять в жены! Все они холодные, деревянные и безмозглые!

Проклятие! Неужели Орельян или Эдвард публично упоминали о его решении жениться до конца нынешнего лондонского сезона? Он надеялся, что нет. В противном случае все мамаши с незамужними дочками объявили на него настоящую охоту!

День начался странно, и чем дальше – тем больше. Он кое-как вытер кровь с виска. Возвращаться домой не хотелось. Не хотелось встречаться с матерью. Кроме того, он помнил, что Люси почти все утро проплакала.

У младшего брата снова трудности в школе, а Пруденс, старшая сестра, сейчас в Риме, осматривает достопримечательности с молодым мужем. Ему хотелось поговорить с ней, но она вернется лишь через несколько месяцев. Она почти в неприличной спешке покинула Англию.

Его родным сейчас плохо. И виной всему смерть его отца, которая случилась под Рождество в прошлом году. На него неожиданно свалилась огромная ответственность: графский титул и владения. Кроме того, любовница только что пыталась его убить.

Когда-то он был свободен и ничем не связан. Теперь всем и каждому что-то от него нужно. Раньше он читал лишь долговые расписки за карточным столом – тогда удача ему ни разу не изменяла. Сейчас приходится без конца читать отчеты, подписывать счета и делать тысячу других вещей, необходимых для содержания обширных владений. Вот уже несколько недель он редко бывает на улице и дышит воздухом; он или сидит дома, или находится в постели Сьюзен Каслтон… впрочем, с последним покончено! Одеваясь, он с удивлением понял, что нисколько не жалеет о разрыве.

Вечер он провел в клубе «Уайтс», а когда клуб закрылся, поехал в лондонский особняк Эдварда Талли. Дервент наверняка поймет его чувства, ведь и он когда-то был близок с этой женщиной!

– Торн, тебе нужно поехать за границу, подальше от семьи, – решительно произнес Эдвард после того, как они выпили коньяку.

– Тебе легко рассуждать, ведь твой отец еще в добром здравии и есть старший брат, которому предстоит нести тяжкое бремя титула.

Эдвард рассмеялся, допивая очередную порцию коньяка; он жестом велел слуге принести еще бутылку.

– Что с планами женитьбы?

Литтон выругался.

Он поделился с друзьями своими намерениями после того, как заболела Люси. Неожиданно он осознал, что смертен. Теперь он жалел о своей откровенности.

– Помнится, ты говорил, что тебе нужны лишь широкие бедра и симпатичное лицо? – Эдвард явно веселился, хотя Литтону было не до смеха. – Ты собирался жениться на первой девице, которая обладает этими качествами?

– Я был пьян.

– Пьянее, чем сегодня?

– Пьянее и, наверное, счастливее… – Литтон усмехнулся.

– Что ж, Льян счастлив, и Шей тоже. Может быть, жениться в самом деле стоит? Найти себе практичную, здравомыслящую супругу… Никаких бездумных интрижек или опытных куртизанок.

– Где же найти такую? – спросил Литтон. – Шей нашел Селесту в парижских трущобах, а Льян получил свою Вайолет благодаря жадности изменника и утраченным деньгам…

– Стюарт Таунсенд сказал, что утром видел тебя в карете с незнакомой женщиной. Он нашел ее довольно интересной…

Литтон покачал головой. По какой-то причине ему не хотелось рассказывать другу об Аннабель Смит. Сегодня его близкие отнеслись к ней совсем не по-доброму, и он не хотел следовать их примеру. Поэтому промолчал.

– То, что ты не хочешь говорить о ней, делает ее еще интереснее!

Литтон встал.

– Эдвард, наверное, я поеду домой и посплю. Мне кажется, что я бы мог проспать сто лет.

– Не забудь, завтра у Сеймуроффов бал-маскарад. Поедем туда вместе и попробуем разорвать паутину!

– Может, я и поеду. Утром я тебе напишу.

Небо прояснилось, выпрыгнули звезды. Дыша полной грудью, Литтон думал о том, что небо будет вечно живым… Раньше он собирался остаться у Эдварда, но неожиданно ему захотелось поехать домой.

Завтра к Люси снова придет Аннабель Смит. Она явится в несусветную рань, в девять утра, и ему не хотелось с ней разминуться. Последняя мысль очень его встревожила.

Глава 3

В то утро Аннабель оставила дома корзину с лекарствами. Вместо нее она взяла книгу, перевязанную синей лентой. Роз осталась дома.

Граф Торnton встретил ее в холле. Аннабель заметила, что слуг он не позвал. Он сам взял у нее накидку и шляпку и повесил их на медный крючок сбоку от парадной двери.

Она сразу же заметила рану у него на виске.

– Вы поранились?

– Слегка, – ответил он, смахивая волосы со лба.

– Ваша светлость, по-моему, то, что я вижу у вас на виске, – не «слегка».

– Мисс Смит, ваша пациентка наверху.

Услышав упрек в его голосе, она улыбнулась:

– А ваша матушка?

– Она ведет себя неплохо; она осталась в своей комнате.

– Вчера ваша сестра что-нибудь съела?

– Больше, чем за много недель. Она считает вас оккультисткой. Кажется, назвала вас проклятой ведьмой.

– Пусть и дальше так считает – лишь бы это помогло ей выздороветь!

Рассмеявшись, он достал из кармана десятифунтовую купюру:

– Вот, возьмите, пожалуйста. За пятнадцать минут вы сделали для моей сестры больше, чем все другие врачи, вместе взятые.

– Что вы, ваша светлость, я не могу столько взять. Десять фунтов – целое состояние; многие обитатели Уайтчепела не зарабатывают столько и за целый год!

– В таком случае считайте, что это не только вам. Кажется, вчера вы говорили, что употребите ваш заоблачный гонорар на добрые дела в своем приходе.

– Да, так и будет, но…

Он наклонился вперед, достал бархатный кошелек из кармана ее пальто, висевшего на крючке, и положил в него купюру. Аннабель тяжело вздохнула.

– Благодарю вас. Я пришлю вам отчет о всех тратах до последнего пенни… – Немного помолчав, она добавила: – Ваша светлость.

Они вошли в гостиную перед спальней его сестры – вчера здесь ее ждала Розмари. Граф остановился:

– Думаю, сегодня вам лучше навестить сестру в одиночестве.

Глубоко вздохнув, Аннабель кивнула и вошла.

Леди Люси уже не пряталась под одеялом. Она сидела на постели и смотрела в окно. Она показалась целительнице маленькой, худой и бледной.

– Говорят, вы победали и поужинали?

Девушка развернулась к ней; в ее глазах полыхнул гнев.

– Мисс Смит, я не привыкла к угрозам и потому решила, что разумно что-нибудь съесть. На всякий случай!

– Надеюсь, вы не будете возражать и против того, что я вам почитаю? – Аннабель развязала ленты, села сбоку от кровати и открыла книгу. – «Мэри, героиня этого романа, была дочерью Эдварда, который женился на Элизе, благородной и светской девице. Она обладала некоторой вялостью характера, чертой, которую можно назвать добродушием со знаком минус...»

Полчаса спустя она замолчала.

– Кто это написал?

Вопрос порадовал Аннабель.

– Мэри Уолстонкрафт. Она искренне верила, что фантазия способна унести женщину от тяжелых обстоятельств.

В комнате воцарилось молчание; слышалось лишь тиканье часов в углу.

– Мисс Стейнс, я хочу подарить эту книгу вам. Надеюсь, мы с вами обсудим ее достоинства при нашей следующей встрече.

– И когда же она состоится?

– В среду. У вас будет достаточно времени, чтобы сформировать определенное мнение. То мнение, которое я оценю, – добавила она, заметив нерешительность в золотистых глазах своей пациентки.

– Не знаю...

– Ешьте и читайте, больше я ни о чем вас не прошу. Вам нужна пища для тела и для духа.

– Откуда вы знаете моего брата, графа Торнтона?

– На самом деле я его не знаю.

– Где вы с ним познакомились?

– Он приехал ко мне домой в Уайтчепел и попросил осмотреть вас.

– Он вам заплатил?

– И очень хорошо. Наверное, гораздо больше того, сколько я стою.

– Вы всегда такая откровенная?

– По-моему, смотреть жизни в лицо – наилучший способ избежать трудностей.

– Моя мать так не считает.

– Иногда нужно искать уверенность внутри себя, не подпадая под влияние других.

– Знаете, вы говорите совсем как Торн. Ему всегда удается заставить других сделать так, как он хочет, и он такой умный, что всегда может подобрать нужные слова. Мама говорит, что он похож на нашего отца, но я так не считаю. Он в тысячу раз лучше.

– Вы его любите?

– Его все любят. Но Литтон так же несчастен, как и я.

Боже, разговор зашел в совершенно незнакомую область! Аннабель от всего сердца надеялась, что граф Торnton не стоит снаружи и не подслушивает.

– Почему же вы так несчастны?

Меньшее, что она могла сделать, – снова переключить внимание на свою пациентку.

– Я стала просто ничтожеством.

Слова героини из книги. Значит, леди Люси все же слушала ее.

Аннабель понизила голос:

– Насколько мне известно, материнство никак нельзя назвать ничтожеством!

Ее пациентка заметно побледнела и посмотрела на нее в упор.

– Вы... сказали ему? Моему брату?

– Нет.

– Прошу вас, ничего не говорите. Мне нужно подумать...

Аннабель осторожно положила руку на исхудавшие пальцы:

– Торжественно клянусь, что никому не расскажу о вашем положении.

– Благодарю вас.

Когда она отвернулась, целительница встала и сунула книгу в складки покрывала, чтобы она не упала.

– Я приду к вам в среду.

Литтона Стейнса она нашла там же, где оставила; в руках у него был бокал.

– Надеюсь, сегодняшний визит был не менее успешен, чем прошлый.

– Ваша светлость, я вернусь на следующей неделе, в среду. Платы я не потребую.

– Мисс Смит! – воскликнул он довольно раздраженно.

– Да, ваша светлость?

– Я граф. Десять фунтов для меня пустяк, и я заплачу вам ровно столько, сколько вы, по моему мнению, стоите.

– Значит, вы сделаны из денег?

Какое-то время он стоял так близко, что она ощущала его дыхание на своей щеке, когда он ответил:

– Да.

В тот миг ей даже понравились его уверенность и надменность. Перед ней человек, который ценит откровенность, как и сказала его сестра; к тому же он добр. Аннабель высоко ценила в людях доброту.

– Кроме того, я провожу вас домой.

– В этом нет необходимости. Я вполне способна сама добраться до Уайтчепела.

– Знаю, но мне хотелось бы убедиться в том, что с вами ничего не случится.

– Что ж, хорошо.

Она посторонилась, пропуская его вперед. Он первым спустился вниз. Аннабель заметила, что рана на его левом виске слегка побледнела. Она предложила бы обработать рану, но что-то подсказывало, что он откажется.

Богач, брат, сын, граф. Мужчина, у которого есть любовницы и враги. Кроме того, он щедр и умен. Она многое узнала о нем... но многое по-прежнему оставалось неизвестным. Интересно, что он думает о ней?

– Как по-вашему, моя сестра поправится? – спросил он, когда карета тронулась в путь.

Сегодня они ехали медленно. Аннабель невольно подумала, не распорядился ли граф об этом специально. Она заметила, как перед самым отъездом он что-то сказал кучеру.

Вместо ответа, она спросила:

– От чего умер ваш отец?

Ее вопрос прозвучал довольно грубо, и он заметно удивился:

– Почему вы хотите это знать?

– Такое желание вызвали слова вашей сестры.

– Что она сказала?

– Сказала, что вы в тысячу раз лучше, чем он.

– Вот дьявол!

Аннабель поморщилась; не верилось, что граф богохульствует при ней. Она ждала, что он извинится, но он отвернулся и посмотрел в окно.

– Он покончил с собой, – глухо произнес граф после паузы.

В прошлый раз он спросил, набожна ли она, и признался, что сам не очень-то полагается на молитвы. Но она понимала, что религия все же что-то значит для него, потому что на его лице отчетливо проступило потрясение. Он, как и его сестра, верил, что отец обречен на адские муки... На вечное наказание. Вот трагедия, которую не исправить...

– Когда это произошло?

– Два года назад, под Рождество. Видите ли, он играл в азартные игры и проиграл все. Когда я сажусь за игорный стол, я хотя бы выигрываю.

– Что он проиграл?

– Балмэн, родовое имение Торntonов. Неделю спустя я вернул имение; мне повезло за покерным столом. Однако он не был мне благодарен.

– «...Грехи отцов ложатся на детей».

– Откуда это? Из Библии?

– Шекспир, «Венецианский купец».

– Мисс Смит, вы просто кладезь полезных сведений. Значит, вы не только умеете колдовать, но еще и много читаете?

— А вы как думаете? — Сейчас ей совсем не хотелось добавлять «ваша светлость». В карете между ними, пусть и на время, установились равные отношения; они словно мерились силами.

— Я думаю, что вы наблюдательны и умеете слушать сердцем.

— Вы тоже, милорд.

На сей раз он только улыбнулся.

* * *

Бель готовила лекарства и отмеряла настойки, но не брала денег с многочисленных пациентов, которые не в состоянии были заплатить. Она приносила теплую одежду и одеяла для младенцев, а старикам добывала колоды карт и головоломки, чтобы они могли немного развлечься в конце жизни. Она находила обувь тем, чьи башмаки просили каши; на рынке на Уайтчепел-Роуд покупала апельсины и рыбу. Она аккуратно записывала все мелкие и крошечные траты. За два дня до своего очередного визита она послала графу Торнтону отчет.

Через час она получила ответ:

«Я еще не находил лучшего применения десяти фунтам».

Его слова ее очень порадовали. Почекрк у него оказался твердый, с нажимом, но плавный, а длинные палочки в буквах «б» и «р» вызвали у нее улыбку. Она поднесла листок к носу и понюхала, но различила лишь запах чернил. Интересно, какого запаха она ждала? Хотелось бы ей, чтобы от его письма пахло им?

Вздохнув, она осторожно положила листок на стол и, подойдя к зеркалу, рассеянно посмотрелась в него.

Она совсем не красавица; скорее всего, ее нельзя назвать даже хорошенькой. Волосы непримечательные, один зуб чуть скошен... и глаза слишком голубые для того, чтобы взгляд казался безмятежным. У нее хорошо подвешен язык, она много читает и помогает людям. Вот ее достоинства.

Проанализировав свои чувства, она признала то, что пряталось в глубине ее души, подальше от здравого смысла.

Она хочет понравиться графу. Хочет, чтобы он относился к ней не просто с уважением. Не просто высоко ценил ее. Она не забывала о том, что она женщина; она прочла достаточно книг о сыновней и дочерней любви, о страсти и о половых отношениях. Она жадно проглотила роман Джона Клеланда «Фанни Хилл. Мемуары женщины для утех». Читала она и сборник стихов графа Рочестера, конечно, тайно, ночью, под одеялом. Роман маркиза де Сада «Жюстина, или Несчастная судьба добродетели» достался ей от одного лондонского книгопродавца, которому она изготавливала лекарства; она знала и эротические произведения Стратона и Сафо. Хотя Аннабель была еще девственницей, она не считала себя ханжой.

Но она была одинока.

Кроме того, в тридцать один год она жила на грани нищеты, без имени, без семьи... По ночам ей снились странные сны, которые утром заставляли ее усомниться в своей психической полноценности. Бремя брошенности давило на нее тяжелым грузом, умаляя ее самоценность и уверенность в себе. Ни один мужчина не пожелал ухаживать за ней. Неужели она отталкивает их... или сама по себе вызывает отвращение?

Она понимала, насколько неразумно и глупо мечтать о большем... мечтать о счастье с таким мужчиной, как граф Торнтон.

Он видит в ней просто диковинку; она не соответствует чертам, которыми, по мнению светского общества, должны обладать настоящие леди.

Хотя внешность не играла для Бель большой роли, ее завораживало красивое лицо лорда Торнтона. Богатство само по себе тоже не обладало для нее подлинной ценностью. Однако с

помощью денег графа она покупала вещи, которые иначе никак не могла бы раздобыть. С его помощью она облегчала страдания бедняков, которые с трудом боролись за выживание.

Полная загадка и головоломка!

Нужно было прислушаться к словам его матери и постараться как можно скорее уйти из жизни Торntonов. Однако теперь она не могла так поступить. Леди Люси нуждалась в ее помощи... и, по правде говоря, граф тоже. Ей хотелось сделать его счастливее. Хотелось, чтобы грусть в его глазах сменилась радостью.

Старые поэты и романисты оказались правы. Тело живет своей жизнью и питает эротические надежды, горячие и безрассудные. Она провела руками по грудям; соски набухли и простили под тканью платья. Нельзя сказать, что она невосприимчива к мужским чарам. Нет, не так! Белье тряхнула головой и заставила себя выразиться по-другому. Не вообще к «мужским чарам», а к чарам одного конкретного мужчины, загадочного и красивого графа Торнтона. Она понимала, что ее чувства глупы и нелепы. Но так оно и было. И спорить с собой бессмысленно.

Литтон улыбнулся, глядя на письмо, полученное им от Аннабель Смит. Рыба, чулки, одеяла, плащи... Нечасто ему приходилось читать такой перечень. Однако все предметы в нем носили печать особы, которая его составила. Поэтому он читал с удовольствием.

Ребенок с непрекращающимся кашлем, домохозяйка, ожидающая восьмого ребенка, старый безногий солдат, который радовался колоде карт... Все они жили на узких, извилистых улочках возле Уайтчепел-Роуд.

Он без труда наживал богатство. В то время как его отец транжирил наследство Торntonов, Литтон десятикратно возместил отцовские потери. Но деньгам, полученным им, недоставало глубины. За ними не стояло ничего, кроме удачных капиталовложений.

От раздумий его отвлек голос матери; она вошла в комнату с книгой в руке.

– Ты видел, что твоя целительница оставила Люси?

Он покачал головой. Мать швырнула ему на стол маленький томик, перевязанный синими лентами.

– Миссис Мэри Уолстонкрафт пишет, что мужчины и женщины должны получать одинаковое образование, а также критикует современных женщин. Если последовать ее советам, где окажется наше общество? Ему придет конец, уверяю тебя! Все жены и матери будут заботиться о собственных нуждах, а не о нуждах мужа и детей. Торнтон, такие книги – позор! Ты должен решительно воспротивиться коварным посягательствам на душу твоей сестры!

Покосившись на мать, он задумался: когда леди Сесилия превратилась из мягкой, покладистой женщины в такую фурию? Наверное, после смерти мужа. Должно быть, подобный конец тяжело отразился на женщине, которая так прислушивалась к сплетням.

– Может быть, тебе лучше вернуться в Балмэн? Болезнь Люси тяжела для всех нас.

– Неужели ты думаешь, что я ее покину? Боже мой, она по-прежнему на пороге смерти!

– Мама, мы с тобой догадываемся, что это не так. Она снова ест, и румянец к ней вернулся. Мы явно прошли точку невозврата. Мисс Смит творит с ней чудеса.

– Чудеса? – прошипела мать. – Она применила колдовство, и кто знает, сколько длится его действие?!

– Мама, будь ей благодарна и надейся на лучшее. Мисс Смит опытная целительница, только и всего.

– Да, она много знает.

– Что, прости? – Литтон поднял голову.

– По словам Люси, она читает ее мысли и точно знает, о чем она думает. Люси это угнетает.

– Тем не менее она хочет снова увидеться с ней. Утром она сама мне так сказала, поэтому, видимо, она не слишком угнетена.

— Твой отец бы ничего подобного не допустил! Он бы не пустил эту... на порог! Велел бы ей уйти, как только она попыталась влезть в наши семейные дела, и отправил бы ее назад в Уайтчепел, где ей самое место!

— Мама, отец умер. Больше полутора лет назад.

— Его убили. Какой-то злоумышленник проник в Балмэн и застрелил его, я знаю.

От ужаса его словно сковал ледяной холод. Мать постепенно сходит с ума, а он и не заметил! Давно ли она такая? Он был так занят, спасая родовое имение, что почти не думал о психическом состоянии матери. Но Люси наверняка все понимает... как и Дэвид, и Пруденс. Ничего удивительного, что старшая сестра поспешила уехать за границу, а братец хулиганит в школе.

Настоящий карточный домик, который рушится, подумал Литтон, вставая. Взяв мать за руку, он подвел ее к креслу у окна.

— Пожалуйста, вернись в Балмэн. Через неделю или две я привезу к тебе Люси и сам проведу с вами несколько недель. Тебе нужно отдохнуть; последние испытания стали для тебя тяжким бременем.

Неожиданно мать кивнула:

— Может, ты и прав. Я могла бы работать в саду, ухаживать за цветами и немного гулять. В это время года в лесу всегда красиво. Когда вернется Люси, мы заживем тихо и спокойно.

Похлопав мать по руке, он улыбнулся:

— Я прикажу заложить карету ближе к вечеру. На всякий случай отправлю с вами нашего семейного врача. Мы устроим все так, чтобы тебе больше не пришлось беспокоиться. Готов поспорить, твоя лучшая подруга Изабель ждет не дождется твоего возвращения.

После ухода матери Литтон приступил к устройству ее путешествия. Он хотел, чтобы все прошло гладко. Потом он взял книгу и поднялся к Люси. Сестру он нашел в кресле, стоящем наискосок от окна. Она сидела босиком, в плотной ночной сорочке, перепоясанной на талии.

— Приятно снова тебя видеть.

Она просияла, заметив его, и еще больше просияла, увидев книгу, которую он принес.

— Ее забрала мама.

Он вернул ей книгу:

— Она считает ее вредной.

— А ты что думаешь?

— Я ее не читал, но знаю, сейчас кое-кто задумался о положении женщин. Некоторые их мысли вполне разумны.

— Вот, послушай!

Люси развязала синие ленты, отыскала закладку между страницами. Она читала с чувством. В тех местах, где описывались злоключения главной героини, голос ее дрожал. Закончив, она положила раскрытую книгу себе на грудь и посмотрела на брата.

— Здесь говорится, что женщины имеют право на собственное мнение и оно не менее ценно, чем мнение мужчин. Это печальная история о лжи и предательстве; герояня и ее подруга стараются примириться с жизнью в сумасшедшем доме. Мисс Смит предупредила, что к нашей следующей встрече она хочет узнать мое мнение о книге.

— Похоже, какое-то мнение у тебя сложилось. Тебе нравится мисс Смит?

— Сначала она меня изрядно напугала. Но потом мне понравилось, что она сильная. Помоему, в ее жизни нет места всякому вздору.

— Вроде колдовства?

— Значит, ты уже побеседовал с мамой? Я сама виновата. После первой встречи с мисс Смит я сказала маме, что считаю мисс Смит ведьмой. Мама запомнила мои слова и теперь то и дело их повторяет... Я не догадывалась о том, какая она стала злая, хотя Пруденс предупреждала меня перед отъездом... — Помолчав, Люси продолжала: — Интересно, можно ли

пригласить мисс Смит выпить со мной утреннего чая, когда она придет? Я знаю, что она очень занята, но мы попросим кухарку испечь ее знаменитые лепешки, и еще у нас осталось малиновое варенье – в прошлом году в Балмэне был большой урожай.

– Конечно. Карета мне не понадобится, поэтому потом ее могут отвезти домой.

– А ты к нам присоединишься?

Литтон пожал плечами:

– У меня важная встреча в городе.

– Но если ты будешь дома, ты к нам присоединишься?

– Постараюсь.

Во второй половине дня Литтон посетил банкира семьи Торnton и узнал о состоянии своих финансовых. Цифры он знал, конечно, и сам, но после того, как он унаследовал титул, очень тщательно проверял все денежные дела. Он никому не доверял. Ему приходится заботиться о близких, думать об обширных земельных угодьях, слугах и работниках. Беззаботные дни остались позади. С этим пришлось смириться после смерти отца.

Добавляла забот и бывшая любовница. Сьюзен Каслтон забрасывала его письмами, пытаясь вернуть его расположение, но он ей не отвечал.

От Эдварда он знал, что Сьюзен распускает про него всякие слухи. Правда, сейчас это его почти не беспокоило. После того как сестра проболела несколько недель, она начала выздоравливать. В нем впервые затеплилась искра надежды. Он понимал, что надежда на лучшее – заслуга странной и необычной мисс Аннабель Смит.

Ее ярко-голубые глаза постоянно вспоминались ему. Неожиданно для себя он вдруг задумался, какие чувства испытал бы, если бы она очутилась с ним в постели...

Он едва не ахнул от неожиданности. Нет, он не должен думать о ней в таком смысле! Следующая женщина, с которой он ляжет в постель, станет его женой. А женится он на девушке из знатной семьи, с хорошей родословной, подходящей для будущей графини.

Тем не менее ему трудно было отделаться от образа обнаженной Аннабель Смит с разметавшимися длинными черными кудрями. Девственница ли она? Обладает ли опытом в плотских наслаждениях? При одной мысли о ней у него поднялось настроение – в центре Лондона, среди бела дня, в толпе прохожих!

Он может научить ее всему, что знает сам, всем оттенкам наслаждения...

– Торн! – послышался знакомый голос. Тряхнув головой, он отделался от наваждения и увидел Саммерли Шейборна, который переходил дорогу ему навстречу. – У тебя задумчивый вид.

Он улыбнулся:

– Иду из банка.

– Хорошие новости? – Шей знал о трудностях, которые преследовали его в прошлом году, когда казалось, что весь мир перевернулся с ног на голову.

– Все хорошо, пусть остается таким же как можно дольше.

– Говорят, ты – восходящая звезда финансового мира. Граф, которому удалось весьма выгодно вложить свои капиталы! Многие пэры когтями и зубами держатся за фамильные поместья, но, судя по всему, твой последний замысел обернулся большой удачей.

– Консервный завод в окрестностях Лондона? Всем нужно есть, а консервированные фрукты и овощи по карману каждому. К концу года такие заводы появятся во всех английских больших городах. Если хочешь, вступай со мной в долю, стань моим партнером. Я приглашу и Льяна, и Эдварда.

– Ты серьезно?

– Да.

– Когда составим договор? – Вид у Шея сделался взволнованным.

– На следующей неделе. Только никому ничего не говори; не хочу, чтобы меня опередили.

– Пойдем к нам, выпьем чего-нибудь. В Лондон приехала и Селеста; нам будет приятно твое общество.

– Отлично! – Он подозвал карету, и оба сели.

Литтон всегда восхищался женой Шея. Она отличалась загадочной твердостью и несгибаемостью и была при этом такой красивой, что у него захватывало дух всякий раз, как он ее видел. Кроме того, она совершенно не походила на жену, какую, по мнению светского общества, должен был выбрать для себя Саммерли Шейборн, виконт Лаксфорд.

– Торн, вы обещали в начале лета приехать в Лаксфорд, но не приехали, – заметила Селеста с озадаченным видом.

– Пришлось несколько недель провести в Балмэне, потому что моя сестра заболела. Мы вернулись в Лондон совсем недавно.

– Говорят, последнее время ей немного лучше?

– Очень на это надеюсь. Я пригласил к ней целительницу, и той удалось уговорить Люси встать с постели. Ее зовут мисс Аннабель Смит из Уайтчепела; мне кажется, она не такая, как все.

– Травница? Позавчера о ней очень хорошо отзывалась горничная моей супруги. Мне было очень хотелось с ней познакомиться. Она наведается к твоей сестре на следующей неделе?

– Она придет завтра, но очень рано. В девять утра. Она приходит в самое необычное время.

– Можно и нам заглянуть? Возможно, у меня будет единственная возможность поговорить с ней, а она меня очень занимает.

– Не вижу препятствий.

На завтрашнее утро Литтон договорился о деловой встрече, но решил, что ее можно отменить. Прежние мысли не покидали его, и он испытывал... тревогу. Он не мог себе представить, чтобы Аннабель Смит о чем-то беседовала с его сестрой и Селестой за чаем с лепешками. Кстати, интересно, читала ли Селеста произведения Мэри Уолстонкрафт?

Настал день ее рождения.

Точнее, тот день рождения, какой выбрала для нее тетя Алисия, когда ей было четыре года и она стала жить во французской деревне, лишенная какого бы то ни было прошлого.

Третье июля. Жаркое утро в деревне Море-сюр-Луан, когда монахиня привела больного ребенка в дом местной целительницы и упросила ту принять девочку. Вот и все, что ей было известно; в ответ на расспросы Алисия снова и снова повторяла одно и то же, ни разу не упоминая о тех, кто ее бросил.

Сегодня в честь дня рождения Аннабель надела новые чулки и съела апельсин. Кроме того, она немного по-другому уложила волосы, забрав их назад с помощью толстого платка и заколов шпильками. Конечно, непокорные кудри выбивались из прически, но она решила, что они не портят общую картину, а, напротив, очень ей идут. Сегодня ей почему-то стало легко и радостно на душе – так легко ей не было уже давно. Возможно, отчасти ее настроение улучшилось благодаря яркому солнцу над головой.

Бель надеялась, что леди Люси прочла книгу, которую она ей дала и что девушка не перестает есть. Если она питается, перемена по сравнению с прошлой неделей будет разительной.

Заметив незнакомую карету перед особняком Торntonов, она нахмурилась. Только бы дома не оказалось гостей, которые отнимут время, которое она может провести со своей пациенткой! Лошади были очень красивыми; кучер в ливрее при виде ее притронулся к шляпе:

– Доброе утро, мисс. Погодка сегодня просто загляденье!

Она улыбнулась ему и подошла к двери. Ей открыл незнакомый слуга.

— Хозяин ждет вас, мисс. Он в синем салоне. Я вас провожу.

Сняв пальто и шляпку, она пошла за слугой и услышала разговор нескольких человек; голоса приближались. Она остановилась, и слуга оглянулся.

— По-моему, произошла какая-то ошибка. Я пришла только для того, чтобы повидать мисс Стейнс. Я занимаюсь ее лечением.

— Вы ведь мисс Смит, так?

— Да.

— Тогда мне велено вас проводить.

Бель расправила юбки на ходу; изнутри поднимался страх. Она не хотела встречаться с другими гостями. В обществе ее не примут; неужели граф Торnton этого не понимает?

Дверь открылась. Граф стоял у камина с двумя незнакомцами, красивой женщиной и высоким красивым мужчиной. Заметив ее, граф извинился и направился к ней.

— Я подумал, что перед тем, как вы подниметесь наверх к сестре, вы, может быть, захотите познакомиться с лордом и леди Лаксфорд.

Бель вздохнула. Она еще никогда не оказывалась в подобном положении. Глядя на гостей, она думала, как бы поскорее уйти отсюда.

— Мисс Смит! — Женщина заговорила первой. — Я Селеста Шейборн и много слышала о ваших добрых делах в Уайтчепеле. Мой муж тоже хочет о них послушать.

Словно в подтверждение ее слов стоящий рядом с ней мужчина кивнул.

— Похоже, мисс Смит, ваша слава бежит впереди вас, — подал голос лорд Лаксфорд, хотя Бель отметила: голос у него не такой радостный, как у его жены. Она не знала, как вести себя в обществе. Нужно ли ей присесть перед этим лордом или можно разговаривать запросто?

— У меня совсем небольшая лечебница, но в таком районе, где много пациентов. Странно, что вы слышали о ней.

Литтон подумал: она пользуется своим голосом как оружием; ее низкий, грудной голос казался удивительным, как и правильная, грамотная речь. В ее речи не слышалось интонаций Ист-Энда; он выдавал образованную женщину. Если закрыть глаза, можно было подумать, что перед ним одна из титулованных светских дам, получившая хорошее воспитание. Он заметил интерес в глазах Селесты и любопытство в глазах Шея.

— Кто ваши родители, мисс Смит? — Если Селесте что-то хотелось узнать, она не ходила вокруг да около.

Вместо ответа, Аннабель Смит повернулась к Торntonу и спросила:

— Ваша светлость, стало ли вашей сестре лучше после моего последнего визита?

Любопытно, подумал Литтон. Здесь какая-то тайна; он сразу понял, что Селеста тоже это заметила.

— Селеста, мисс Смит дала Люси книгу Мэри Уолстонкрафт, и моей сестре очень понравилось то, о чем пишет автор.

— Ах, я тоже прочла ее книги и от всей души согласна с выраженными в них чувствами.

Бель не очень хотелось говорить о правах всех женщин независимо от их положения в жизни, поэтому она промолчала. Она сама лишь нащупывала свой путь в жизни, а то, что она приехала в дом графа прямо с суровых улиц Уайтчепела, считала огромной преградой. Она нечувствовала никакой скованности в обществе графа и даже его сестры. Но, увидев в красивом салоне светских красавцев, поняла: стоящая между ними преграда непреодолима.

Ей здесь не место.

У нее разболелась голова, и она взмолилась про себя: только бы боль не проявилась на лице. Во всяком случае, до тех пор, пока она не вернется домой. Струйка пота потекла между грудями; бусины пота выступили над верхней губой.

Ее спас граф; он спросил, не хочет ли она чего-нибудь выпить, и подвел ее к шкафчику. На отполированной столешнице красного дерева стояли всевозможные бутылки.

Аннабель никогда в жизни не пробовала спиртного и поисками взглядела безалкогольные напитки.

– Белое вино очень хорошее, – тихо сказал граф, нагнувшись к ней.

– Совсем немного, пожалуйста.

Он налил ей вина с легкостью, свойственной людям, привыкшим много пить. То есть она еще не встречала людей, которые много пили. Тетка была трезвенницей, и спиртное в доме держали лишь для медицинских целей. Тетка называла спиртное «дьявольским зельем», и в Уайтчепеле они находили немало свидетельств тому, что ее слова правда.

Аннабель с удовольствием выпила бы чашку чаю, но понимала, что просить не подобает. Она с трудом улыбнулась, думая, сколько еще времени ей удастся продержаться. Очень хотелось поскорее извиниться и подняться наверх, к пациентке.

– Селеста и Шей – мои друзья.

– Понимаю, ваша светлость. – Она подняла голову и поймала на себе его взгляд. Чего он от нее ждет? И что пытается ей сказать?

Собственное смятение стало для нее неожиданностью и даже напугало ее; она старалась дышать размеренно и ровно. Этим людям известно о ней и ее лечебнице; они знают, что она приехала сюда прямиком из трущоб. И тем не менее они стараются вести себя дружелюбно. Она отпила вина – глоток, потом еще один, удивляясь тому, какое оно крепкое. Тем не менее вино дало ей занятие. Она быстро выпила содержимое бокала.

– Хотите еще? – Его золотистые глаза слегка потемнели, когда она кивнула.

– Благодарю вас.

На сей раз она пила медленнее, а он повел ее назад, к гостям. Белое вино помогло ей расслабиться. Впервые за десять минут ей показалось, будто она справится.

– Мисс Смит, где вы научились целительству? – Селеста Шейборн говорила с легким иностранным акцентом – возможно, французским.

– Моя тетка травница. Она меня учила.

– Должно быть, для того, чтобы научиться, нужно много времени?

– Годы и годы. Я и сейчас еще учусь. Тете Алисии шестьдесят три; она говорит, что и сама знает далеко не все. Она очень старается всему меня обучить в надежде, что ее знания не будут утрачены и я смогу передать их следующему поколению...

Боже... Неужели она столько наговорила? Она старалась вспомнить все свои слова, но оказалось, что не может. Между ней и остальным миром словно воздвиглась стена. Это все вино! Поставив почти пустой бокал на стол, она снова пожалела, что не попросила чаю или кофе; необходимо было как-то нейтрализовать растущее внутри тепло, которое все больше ее беспокоило. Самообладание покидало ее, а вместе с ним – и сдержанность.

– Ваша тетя француженка? – Селеста Шейборн хлопнула в ладоши. – Вы говорите по-французски?

– Немного, – ответила она, но потом вспомнила: Литтон Стейнс слышал, как она говорила, в день их первой встречи, после того как Стэнли порвал ему жилет. Он наверняка понял, что она лукавит, но ей не хотелось отвечать на следующие вопросы, вызванные ее искренностью.

Голос графа избавил ее от страха, за что она была ему благодарна.

– По-моему, вам стоит выпить что-нибудь безалкогольное. – Он налил большой стакан лимонада и протянул ей.

Страх сменился облегчением. Все будет хорошо! Она справится.

Усталость смыла благодарность; потом все затопила грусть. Столько эмоций за такой короткий срок! Голова кружилась; она с трудом держалась на ногах. Будь она дома, она бы

легла, накрыв голову подушкой, чтобы избавиться от дневного света, и спала бы, пока не пройдет головная боль. Иногда, если боль бывала особенно сильной, она принимала сульфат хинина, хинную кору или валериану. Но здесь не было ничего из того, в чем она нуждалась. Она видела, что Селеста Шейборн озабоченно смотрит на нее; даже граф, судя по всему, забеспокоился.

— Со мной все в порядке. Только болит голова; головные боли мучают меня постоянно. И вино оказалось крепким, хотя сейчас еще рано...

Еще один взгляд Торнтона подсказал ей: ее признание было неожиданным, даже неприличным. По этому она замолчала, не договорив. Тряхнув головой, она с трудом старалась сохранить равновесие.

— Знаете, наверное, мне все же лучше уйти. Похоже, сегодня день неподходящий; наверное, мне лучше отправиться домой и поспать.

Еще одна оплошность... И неужели она только что говорила по-французски?

— По-моему, голова болит все сильнее; в таких случаях я не способна находиться в обществе.

Боже, теперь она говорит на двух языках попаременно, слова сливаются, и она уже не уверена, что правильно произносит их.

— Поэтому позвольте распрощаться... Au revoir. — Она обещала навестить леди Люси, но понимала, что сейчас не в том состоянии. Она вернется завтра, когда ей полегчает.

Граф обвил рукой ее талию, и она позволила ему увести себя к двери.

Когда они вышли в холл, он подал ей накидку и шляпку, а затем вывел на улицу — карета уже ждала их. Устроившись на мягким кожаном сиденье, она вздохнула с облегчением.

— Простите.

— За что?

— За то, что устроила представление. За то, что вела себя вульгарно.

— Такое слово не приходит мне в голову, мисс Смит. Скорее вы были... занимателльной.

— Вы слишком добры.

— Мне редко такое говорят.

Она сделала вид, что не слышала его последних слов.

— И ваши друзья тоже очень добры.

— Вы когда-нибудь раньше пили вино?

— Нет.

— Боже! — Он рассмеялся, и его смех стал для нее неожиданностью.

— Надеюсь, вы не потребуете назад свои десять фунтов, потому что я их уже истратила.

— Знаю. Не забывайте, вы прислали мне письменный отчет. Я понятия не имел, сколько всего можно, оказывается, купить на такую небольшую сумму! Я вам доверяю, мисс Смит.

— Бель.

— Простите...

— Можете называть меня Бель. Так меня зовут все. По-французски это значит «красавица», но не думаю, что ей следовало давать мне такое имя, потому что я совсем не красива.

— Проклятье!

— Вот вы опять ругаетесь, милорд граф. Не уверена, что вам следует так поступать. Это более чем грубо, и, хотя я не высокородная леди, я все же женщина.

Он постучал по стеклу, и карета остановилась.

— Барнс, езжайте в круговую, не меньше часа, и остановитесь возле следующей лавки, где продают лимонад.

— Лимонад, милорд?

— В очень большой бутыли.

Глава 4

Она уснула, положив голову ему на плечо, а одну руку – ему на колени. Его украшенная затейливой вышивкой куртка помялась, а шляпа лежала на полу рядом с ним. Ему показалось, что за окнами кареты стемнело – было гораздо позже, чем следовало.

– Который час? – вдруг спросила Аннабель, дернувшись, словно от страха. Во рту у нее пересохло; ее мучило.

– Половина первого.

– Почему мы стоим?

– Лошадям нужно отдохнуть; они долго бежали.

– Боже мой! – Аннабель закрыла лицо руками и спросила: – Хотите сказать, что мы ездим вокруг Лондона, потому что я заснула? Это хуже, чем Стэнли, хуже, чем ваш жилет, даже хуже моей попытки отчистить вам брюки… – Она тяжело вздохнула и погрузилась в молчание.

– Мисс Смит, по-моему, вы преувеличиваете. Ничто не может быть хуже порванного розового жилета.

Она рассмеялась, потому что ничего другого ей не оставалось. И как же она была благодарна ему за то, что он попытался ее развеселить!

– Не стоило мне пить вина. Пожалуйста, извинитесь за меня перед вашими друзьями. Сомневаюсь, что мы с ними еще когда-нибудь увидимся, и все-таки… – Она наконец посмотрела на него и покраснела от стыда.

– Во время войны Шей служил в разведке, а Селеста ему помогала. Уверяю вас, мисс Смит, они не нежные фиалки, и, по-моему, всем полезно посмеяться.

– Спасибо, ваша светлость, что утешаете меня, но… как же ваша сестра? Я ведь ее лечу, значит, должна вести себя безукоризненно!

Он снова рассмеялся:

– Назовите мне хотя бы одного человека, который все время ведет себя безукоризненно!

– Это точно не я.

– Забудьте обо всем, мисс Смит, но в следующий раз откажитесь от вина. Может быть, вы склонны к алкоголизму?

– Что это значит?

– Это значит, что вино вас опьяняет. Никогда еще не видел, чтобы человек так быстро пьянился от такого малого количества спиртного.

– Боже мой! – покаянно воскликнула она.

Неужели она вела себя ужасно? Неужели совершенно утратила самообладание? Она помнила происходившее лишь урывками. Хотя с тех пор прошло уже несколько часов, граф наверняка запомнит ее такой… Она заметила, что сегодня у него на руке лишь один золотой перстень. Рана на виске почти зажила. Аннабель украдкой поглядывала на него, надеясь, что позже сумеет вспомнить все самые крошки подобности о нем, чтобы посмеяться или пожелать большего, гораздо большего…

Время. Слова. Смех. Жизнь. Такие же мощные средства, как изготовленные ею порошки… и такие же полезные. Она вдруг почувствовала его близость и развернулась к нему; тыльная сторона ладони касалась его руки всю дорогу до Уайтчепел-Роуд. Ей нравилось идущее от него тепло.

– Боже мой, Торн, кто такая мисс Смит и где, ради всего святого, ты ее откопал?

Вечером Шей вернулся к нему в дом. Ночь выдалась темной – луны почти не было видно.

Литтон поудобнее устроился в кресле и выпустил струйку дыма. Дома дела постепенно налаживались. Люси уже успокоилась – она пришла в ярость, узнав, что мисс Смит рано ушла,

и легла в постель только после того, как он обещал, что попросит ее вернуться утром на следующий день и договорится о дальнейших посещениях. Мать уехала в Балмэн. И даже Сьюзен Каслтон наконец перестала ежечасно донимать его, пытаясь снова разжечь угасшее пламя их злополучной интрижки.

Как бы там ни было, приятно сидеть в тишине и вспоминать события прошедшего дня!

— Аннабель Смит не та, кем кажется, — ответил он. — Она скрывает какие-то тайны, которые мне неизвестны... Пока.

— Она понравилась Селесте. Она приглашает мисс Смит погостить у нас в Лаксфорде. Как по-твоему, она приедет?

— Скорее всего, нет. — Литтон подлил им обоим бренди. — По ее собственным словам, она редко покидает пределы Уайтчепела. Даже поездки на Портмен-сквер даются ей с трудом.

— Значит, она — загадка, которая не желает, чтобы ее разгадали?

— По-моему, сегодня утром она раскрылась полностью...

— Ты проводил ее назад, в Уайтчепел?

— Нет... то есть не сразу. Пришлось ездить кругами, пока она непротрезвела... В карете она заснула, и я приказал кучеру остановиться на той стороне Гайд-парка. Через три часа, когда она проснулась, нам удалось вернуть ее домой.

— Все интереснее и интереснее, — пробормотал Шей и вдруг расхохотался.

— Что именно?

— Что ты так печешься о ней. Она твоя любовница?

— Проклятье... А ты как думаешь?

— Не знаю, что и подумать, в том-то и загвоздка. У нее ангельская внешность, при этом в ней чувствуется страсть. Она быстро пьянеет, словно закоренелая пьяница, и говорит на двух языках, причем на обоих с произношением знатной особы. И тем не менее она обитает в Уайтчепеле? Никогда еще я не видел, чтобы ты так защищал женщину, причем ту, с кем ты, по твоим словам, не спишь. А ведь все незамужние девицы из общества мечтают, чтобы ты надел им на палец обручальное кольцо, а светские дамы, состоящие в неудачном браке, удовольствовались бы всего одной ночью в твоей постели. Ты бросил миссис Каслтон и нажил целое состояние, удачно вкладывая свои капиталы, и вместе с тем ты... заботишься о скрытом ангелочке, возишь ее вокруг Лондона и оберегаешь от волков из высшего общества.

— Может быть, во мне все же сохранились остатки порядочности?

— А может, ты наконец встретил свою половинку?

— Шей, довольно! Давай выпьем и обсудим дела. В деловой беседе нам легче будет договориться.

Несколько часов спустя, после ухода Шея, Литтон подошел к окну, посмотреть на лондонские улицы, и неосознанно повернулся к востоку. Где-то там живет мисс Бель Смит; она готовит пилюли и порошки, режет лекарственные растения, а пес Стэнли охраняет ее, как будто за дверью ее подкарауливают всевозможные опасности. Он пожалел, что она не здесь, на Портмен-сквер, в тепле и безопасности. Ему хотелось бы, чтобы ее рука по-прежнему лежала рядом. Ее прикосновение наполняло все его существо радостью.

Ему хотелось подарить ей столько денег, сколько требуется ее нищим пациентам. Конечно, он понимал, что о таком не следует даже заикаться. Бель не похожа на женщину, которая согласна существовать на благотворительные взносы.

Резкая, умная, невинная... и необычная. А еще она не похожа ни на кого другого.

Он улыбнулся. Последнее качество нравилось ему больше, чем все остальные, вместе взятые.

Завтра он заедет к ней, чтобы уговорить снова навестить его сестру. На сей раз ему нужно от нее только такое обещание. Он искренне надеялся, что она не ответит отказом – не только ради Люси, но и ради него самого.

Розмари Грин помогла ей снять шкурку с листьев алоэ и размять сердцевину растения для мази, которая считалась весьма действенной при лечении ожогов.

– Бель, ты сегодня какая-то тихая.

– Вчера у меня болела голова, а после таких приступов мне всегда тяжко.

– Вчера граф привез тебя домой в своей карете? Алисия говорила об этом, как и все соседи, которые живут на углу Уайтчепел-Роуд.

Аннабель решила во всем признаться:

– Роз, по-моему, вчера я напилась. Он налил мне два бокала вина, и я быстро их выпила, хотя и не следовало.

– Боже правый! Твоя тетка знает?

Бель покачала головой:

– Пожалуйста, не рассказывай ей. Я сама виновата.

– А граф – он… вел себя как порядочный человек? – многозначительно спросила Роз.

– Да. Он сидел со мной в карете, пока я спала, а потом проводил меня домой.

– Он к тебе прикасался?

– Только взял за руку. Ничего оскорбительного он себе не позволил.

Роз снова принялась разминать мякоть алоэ.

– Бель, мужчины иногда пользуются своим положением. Они не всегда высоконравственны. Тебе нужно быть очень осторожной, особенно с богатыми джентльменами, потому что они самые плохие из всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.